

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
НАУКИ ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

На правах рукописи

Алексеева Алина Сергеевна

**АПОКРИФИЧЕСКИЕ МОЛИТВЫ В ЮЖНО- И
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ РУКОПИСЯХ XI–XIX ВВ.:
ИСТОРИЯ ТЕКСТОВ И ЯЗЫК**

Резюме

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Д-р филол. наук
Гиппиус Алексей Алексеевич

Москва 2023

§1. Основная характеристика диссертационного исследования

Объектом исследования диссертационной работы являются апокрифические молитвенные тексты из южнославянских рукописных источников XI–XIX вв. на примере Сисиниевой легенды (СЛ) в двух сюжетных вариантах — Молитва архангела Михаила (ММ) и Молитва св. Сисина (МС) — и комплекса молитв на поиск пропавшего человека или имущества, которые восходят к «Указу» архиепископа Иоанна (УИ). Эти памятники сближают особенности бытования: будучи заимствованными — полностью или частично — из греко-византийской традиции, через посредство южнославянской книжности они проникают к восточным славянам и продолжают переписываться в течение нескольких веков. **Основной предмет исследования** — происхождение и развитие обозначенных молитв во всем многообразии письменной традиции: от амулетов до сборников любого состава.

Цель исследования заключается в описании истории и языковых особенностей избранных источников, что определяет постановку следующих **задач**: 1) реконструкция архетипов избранных источников и построение стемм, 2) описание истории развития текстов на протяжении всей истории их существования, 3) представление языковых особенностей списков, архетипов и молитв как отдельных текстов, 4) определение места памятников в книжности южных и восточных славян. Поставленные цель и задачи исследования обуславливают **методы** исследования: 1) текстологический анализ, 2) лингвистический анализ, 3) компаративный анализ.

Рукописные магические тексты обычно становятся предметом внимания этнографов и фольклористов, хотя уже не являются памятником устной словесности в чистом виде и требуют специального изучения¹, поэтому изучение источников данного типа как продукта письменной культуры определяет **актуальность** диссертационного исследования. **Научная новизна**

---

¹ В отношении восточнославянской традиции об этом высказывались А.А. Турилов и А.В. Чернецов в: *Турилов А.А., Чернецов А.В.* Отреченные верования в русской рукописной традиции // *Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков.* М., 2002. С. 29.

работы заключается в комплексном исследовании СЛ и УИ, позволившем впервые описать историю текстов и их развитие на протяжении многих веков. Фольклорные тексты, бытующие в рукописной среде, впервые рассматриваются в совокупности всех списков как памятники средневековой и постсредневековой книжности.

Материал исследования — Сисиниева легенда и «Указ» архиепископа Иоанна. Сюжет ММ строится вокруг беседы архангела Михаила (в некоторых списках — св. Сисина) и южнославянской ведьмы вештицы², которая рассказывает о своей демонической сущности, за что подвергается наказанию. В качестве способа избежать новых страданий протагонист предлагает ей не причинять вреда людям, и вештица сообщает свои имена, которые являются гарантом безопасности для того, кто их знает или имеет в записи. Этот текст, по мнению Т.А. Агапкиной, восходит к Патаксарея-подтипу МТ, однако отсутствие пословных соответствий между греко-византийскими и славянскими списками не позволило исследовательнице выделить источник перевода³. Тем не менее общая схема эволюции молитвы, по мнению Т.А. Агапкиной, не вызывает сомнений: отделившись от культуры-донора, текст вбирает в себя черты местных верований.

В настоящее время известно о 23 списках ММ X/XI — XIX вв. Корпус рассмотренных в настоящем исследовании списков состоит из 20 единиц. Списки Сок275-30 и Сок275-65 изучены *de visu*, ПопКр, ХАЗУ140, ХГА2, НБС454, Павл2, СПД4, Дуй31(2), Дуй32, НБС113, НБКМ273, Хил672(2), Хаш281 — по фотокопиям, ИерП2, ХГА2, ХАЗУ2(1) — по изданиям.

Событийный ряд МС также строится вокруг борьбы с вештицей, которая представляет собой опасность для Мелентии, сестры героя-протагониста — св. Сисина. Славянский перевод молитвы, по мнению Т.А. Агапкиной,

---

² См. подробнее: *Виноградов Л.Н., Толстая С.М.* Вештица // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 1. М., 1995. С. 367–368.

³ *Агапкина Т.А.* Сисиниева молитва у южных славян // Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы / Отв. ред. А.Л. Топорков. М., 2017. С. 489–490.

выполнен с греческого языка не позднее XII в., которым исследовательница датирует список ИерП1⁴, однако, нижний слой палимпсеста с СЛ появился не ранее XIII в.

В настоящее время текст известен в 17 списках сер. XIII–XIX вв. Изучение истории СЛ основывается на корпусе из 14 источников сер. XIII — XIX в., изученных *de visu* (Сок275(49)), по фотокопиям (ИерП1, СПД1, СПД2, СПД3, ХГА1, Хаш284, НБКМ631, Дуй31(1), Павл1, НБС425, НБС88, Хил672(1), Сок275(49)) или по изданиям (ИерП1, ХГА1, ХАЗУ2(2)).

«Указ о проскурмисании святым трем исповедником: Гурию, Самону и Авиву», текст, составленный архиепископом Новгородским Иоанном и предназначенный для поимки вора, является разновидностью т. н. «Божьего суда» — практики, порицавшейся церковью. В настоящее время известно о 6 древнерусских списках кон. XIV–XVIII вв.

Положения, выносимые на защиту:

1. Текст ММ, переведенный не позднее нач. XI в., до XIX в. распространялся в Южной Славии и княжествах Валахии, Молдавии и Трансильвании не менее, чем в 9 редакциях, которые можно охарактеризовать как стилистические. Архетипу славянского перевода наиболее близок грекоязычный список GI на свинцовой табличке нач. VIII в. Корпус славянских источников содержит по одному списку на старославянском языке и церковнославянском языке среднеболгарской редакции, в то время как другие рукописи содержат особенности сербского языка в области фонетики и морфологии.

2. Четырнадцать списков МС отражают существование минимум семи редакций, бытовавших в Южной Славии и Дунайских княжествах до XIX в. Реконструированный архетип перевода демонстрирует сходство с несколькими греко-византийскими редакциями *Sisinnios/Melitene-type*, а корпус источников включает в себя один список на церковнославянском языке

---

⁴ Агапкина Т.А. Сисиниева молитва у южных славян. С. 487.

среднеболгарской редакции, и один — на церковнославянском языке новоболгарской редакции; прочие рукописи содержат черты сербского языка.

3. ММ и МС переводятся в сербской зоне книжником, владевшим экавским и штокавским говором, а их бытование в славянской рукописной традиции имеет сходные черты: редакции, составленные на старославянском и церковнославянском языке сербской редакции, с течением времени приобретают всё больше черт народной культуры, а их язык, миновав гибридную стадию, приближается к народному.

4. Архетип УИ содержит и описание действий на проскомидии, и молитву, один фрагмент которой восходит к южнославянскому источнику, а другой отсылает к существовавшему в Новгороде культу свв. Гурия, Самона и Авива. Позднее молитва распространяется в древнерусской рукописной среде в виде комплекса разных молитв разного назначения, а язык позднего корпуса можно охарактеризовать как гибридный вариант церковнославянского языка.

5. СЛ и молитва из УИ представляют собой памятники апокрифической литературы Южной Славии и Древней Руси, однако со временем традиция их бытования начинает расходиться в языковом плане. Изначально находившиеся в рамках «высокой» словесности ММ и МС начинают «снижаться», сближаясь с народным языком, в то время как молитвы с именами свв. Гурия, Самона и Авива по-прежнему переписываются на церковнославянском языке, но уже гибридного регистра.

Апробация работы проводилась в виде выступлений на 13 научных конференциях:

1. XVIII Международная конференция студентов-филологов (Санкт-Петербург, 6–11 апреля 2015 г.);
2. Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов–2016» (Москва, 11–15 апреля 2016 г.);
3. VI научная конференция студентов и аспирантов «Антропология. Фольклористика. Социолингвистика» (Санкт-Петербург, 23–25 марта 2017 г.);
4. Вторые молодежные чтения по русской литературе XVIII века (Санкт-Петербург, 26–27 октября 2017 г.);

5. XXXVII всероссийская научная конференция «Курбатовские чтения» (Санкт-Петербург, 27–30 ноября 2017 г.)
6. VII международная конференция молодых исследователей «Текстология и историко-литературный процесс» (Москва, 15–17 марта 2018 г.);
7. XLVII Международная филологическая научная конференция (Санкт-Петербург, 19–28 марта 2018 г.);
8. Молодежная научная конференция в рамках Дней славянской письменности и культуры «Славянский мир: общность и многообразие» (Москва, 22–23.05.2018 г.);
9. Международная научная конференция «Традиции во времени (памяти В.М. Гацака)» (Москва, 22–23 мая 2018 г.);
10. Историко-филологические чтения (Великий Новгород, 4–5 августа 2018 г.);
11. Международная конференция «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии (памяти Андрея Анатольевича Зализняка)» (Москва, 27–29 мая 2019 г.);
12. Международная конференция «Савремена српска фолклористика 7» (Крушевац, 21–23 июня 2019 г.)
13. Международная научная конференция «Маргиналии-2023: границы культуры и текста» (Арзамас, 22–24 сентября 2023 г.).

§2. Содержание работы

Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения и трех приложений. Первые две главы посвящены рассмотрению ММ и МС соответственно в списках XI–XIX вв. В главах затрагиваются такие проблемы, как соотношение списков, реконструкция архетипов молитв и описание редакции текстов. В третьей главе представлены результаты изучения текстологической истории УИ на фоне памятников южнославянской письменности. В Приложении №1 приводится стемма списков к ММ, МС и УИ, в Приложении №2 — иллюстративный материал к §1.6 и §2.6, в Приложении №3 — описание рукописей.

§2.1. Глава 1

Изучение 20 списков ММ позволило реконструировать архетип перевода молитвы, описать переводческие стратегии книжника-славянина и восстановить основные этапы развития текста в рукописной среде. Т.А. Агапкина справедливо замечает, что ММ сходна с Патаксарея-подтипом греко-византийской традиции⁵. На наш взгляд ближе всего к архетипу оказывается вариант молитвы по списку GI, который находится на свинцовой табличке нач. VIII в.⁶.

До кон. X — нач. XI в., которыми датируется самый ранний список ММ (ПопКр) происходит перевод молитвы на старославянский язык и появляется редакция ММ1 с усеченным началом. Далее, к кон. XIV — нач. XV вв. формируется редакция, представленная в ХГА2, а не позднее XVII в. образуется вариант усеченной редакции ММ2, легший в начало списков XVII–XVIII вв. (НБС454, ХАЗУ140, НБКМ273 и Павл2), которые написаны на сербскославянском языке с особенностями живого произношения. Наконец, новая переработка текста с привлечением списка третьей ветви создается не позднее XIX в., о чем свидетельствует ХАЗУ2(1). Судя по значительному числу черт хорватского языка, глаголическому типу письма и обособленности от прочих списков первой ветви, происхождение представленных в ХГА2 и ХАЗУ2(1) редакций можно с уверенностью связать с Хорватией. При этом, если первая редакция составлена на церковнославянском языке хорватской редакции с отражением особенностей живого языка, то вторая написана на народном языке с примесью редких элементов русскославянского языка.

Вторая ветвь с перволичным нарративом образуется до сер. XIII в., причем версия от лица архангела Михаила была составлена до того, как появи-

---

⁵ Агапкина Т.А. Сисиниева легенда в южнославянской традиции. С. 489.

⁶ О списке см. в: Чёха О.В. Сисиниева молитва в византийской традиции // Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы / Отв. ред. А.Л. Топорков. М., 2017. Сисиниева молитва в византийской традиции. С. 247–248.

лась редакция с действующим лицом Сисином (СПД4 и, вероятно, ИерП2). Первый вариант, по-видимому, связан по происхождению с одним из Дунайских княжеств, в то время как второй написан на церковнославянском языке сербского извода.

Третья ветвь формируется не позднее рубежа XVII/XVIII вв., которым датируется Дуй31(2) (список Кач, относимый издателем к XVII в. не учитываем из-за отсутствия возможности подтвердить датировку рукописи: место ее хранения неизвестно) — соответственно, до этого периода проходит редакторская работа, отраженная в ММ10 и ММ12. Редактура, проведенная в ММ13, относится ко времени до 1832 г., судя по отходящему от звена списку НБС113, а в ММ11 — до 1850 г., если опираться на точно датированный список Хил672(2). На наш взгляд, Кач, Дуй31(2), Дуй32, Ков, НБС113, Брат, Хил672(2), Сок275-30 и Сок275-65 написаны на славяносербском языке с доминирующим числом черт народного языка, которые противопоставлены архаичному языковому пласту: примеры с маркерами книжности проникают в списки из предшествующей (сербскославянской) традиции ММ. Редакция Кат, напротив, составлена на народном языке с минимальным числом черт, заимствованных из протографа.

Изучение 20 списков ММ подтверждает существование трех ветвей, которые разделяются на девять стилистических редакций.

§2.2. Глава 2

Проведенное исследование 13 списков МС позволило реконструировать архетип перевода молитвы, описать переводческие стратегии книжника-славянина и основные этапы развития текста в рукописной среде. Говоря о преемственности традиций, Т.А. Агапкина отмечает близость списков из СПД и SA1 в наличии / отсутствии определенных мотивов, противопоставляющих эти списки другим⁷. Однако восстановленный архетип показывает, что МС

---

⁷ Агапкина Т.А. Сисиниева легенда в южнославянской традиции. С. 488–489.

имеет общие черты сразу с несколькими грекоязычными редакциями, и предпочесть какую-либо из них — в отличие от более зависимой от источника ММ — весьма затруднительно.

Если отталкиваться от стеммы, текст молитвы переводится на славянский язык до сер. XIII в., которой датируются самые ранние списки МС (ИерП1, СПД1, СПД2, СПД3), причему к упомянутому периоду уже существуют списки, представляющие этапы МС1, МС3 и МС2. Перевод МС так же, как и ММ, осуществляет носитель экавского и штокавского говора, а текст составлен на сербскославянском языке с проникновениями черт живой речи.

Четырнадцать рассмотренных списков МС демонстрируют существование четырех ветвей в истории бытования молитвы. К первой принадлежат пять списков, самым младшим из которых является СПД2, а самым старшим — ХАЗУ2(2). Создание редакции из ХГА1 можно датировать лишь временем составления амулета, т.е. рубежом XIV/XV вв., — от него берет начало редакция ХАЗУ2(2), которая формируется до XIX в. Оба списка так же, как и ХГА2 и ХАЗУ2(1), связаны с обособленной хорватской глаголической традицией, но последний написан на народном сербском языке. Не позднее XVII в., судя по НБКМ631, появляется этап МС6, а стадии МС4, МС5 и МС6 — до рубежа XVII/XVIII в., которыми датирован один из крайних на стемме списков — Дуй31(2). Время образования прочих редакций и вариантов на данный момент можно определить лишь по датировкам материальных источников. Список НБКМ631 составлен на новоболгарском, а Хаш284 — на среднеболгарском изводе церковнославянского языка. Что касается младших списков третьей ветви, они написаны либо на народном языке (Сок275-29), либо на славяно-сербском с разным процентным содержанием особенностей живого языка (остальные списки).

Отдельные редакции, на наш взгляд, представлены в семи стилистических редакциях.

§2.3. Глава 3

Изучение шести древнерусских списков УИ позволило восстановить архетип, а его сопоставление с греко-византийской и южнославянской традицией отреченных молитв расширило представление об истории сложения и бытования текста в Древней Руси — итогом работы стало критическое издание архетипа УИ. Его язык, как показало исследование, принадлежит гибриднему регистру церковнославянского языка в рамках теории В.М. Живова: эта особенность характерна и для других молитв апокрифического характера, бытовавших на Руси.

Рассматривая рукописную традицию УИ, нельзя не отметить определенную трансформацию жанра: если греческий источник связан с магической практикой, то древнерусский в том виде, в котором он существует в архетипе, ближе находится к неканоническим молитвам. Это подчеркивает и изменение ситуации, в которой употребляется текст: вместо магического ритуала, совершаемого мирянином, формируется обряд, предназначенный для исполнения в церкви. Далее в процессе развития прагматика текста приближается к насущным проблемам народа — поиску пропавшей вещи и пропавшего человека, т. е. акцент на наказании виновного исчезает. Наконец, история замыкает круг, и молитва снова используется для обнаружения пропавшего слуги (Муз) — как в источнике, происходящем из Южной Славии. Развитие этой функции свидетельствует об использовании текста в зажиточной среде, о чем нельзя было сделать вывод на основании других списков. Перечисленные инновации, произошедшие на древнерусской почве, вероятно, появляются под влиянием рукописных заговоров, которые приобретают популярность в словесности раннего Нового времени. Таким образом, вобрав в себя новые детали, изначально магический греческий текст на новом витке своей истории возвращается в магическую среду уже на русской почве.

§2.4. Заключение

Результатами изучения доступных нам списков ММ (20) и МС (14) являются стеммы, реконструкции архетипов с переводом на русский язык (разночтения между списками чрезвычайно велики, поэтому восстановить старославянский текст не представляется возможным) и описания всех последующих редакторских правок и языковых особенностей списков и молитв в целом.

Бытование двух сюжетных типов Сисиниевой легенды — Молитвы архангела Михаила и Молитвы св. Сисина — имеет сходные черты: и та, и другая молитва, попав на южнославянскую почву, распространяется во множестве редакций и списков (ММ — в 9, МС — в 7 редакциях). При этом можно уточнить, что корпус списков содержит не только источники с признаками сербского языка: так, не имеет признаков сербского извода (что, однако, не позволяет полностью отрицать сербское происхождение памятника) ПопКр, а НБКМ631 содержит черты болгарского языка. Еще один извод церковнославянского языка — среднеболгарский — обнаруживается в списках Хаш281 и Хаш284.

География распространения списков велика и на сербоязычных территориях: списки ММ и МС несут следы не только экавского и штокавского говора, который распространился по спискам из архетипа перевода, но и икавского и иекавского и чакавского говоров. Примечательно, что обе молитвы имеют одинаковый тип развития в процессе своего бытования: составленные на старославянском языке, с течением времени молитвы распространяются в редакциях на гибридном языке, который приобретает всё больше и больше особенностей народного языка, после чего появляются младшие редакции, написанные на практически чистом народном языке. Надо подчеркнуть, что элементы, противопоставленные особенностям сербского языка, не являются инновациями: они приходят в младшие редакции из предшествующей традиции, связанной с сербскославянским языком.

Составление УИ, третьего источника диссертационной работы, связывают с деятельностью архиепископа Новгородского Иоанна III. Как считается, текст появился на свет после знамения от иконы свв. исповедников, произошедшего 24 декабря 1410 г. в Софийском соборе. Полный текст «Указа» — молитва и описание действий на проскомидии — дошел в двух списках XVI–XVII вв., а отдельная молитва до недавнего времени была известна в двух списках не ранее XVII в. Корпус списков молитвы был пополнен тремя списками: рукописи кон. XIV — нач. XV вв. и XVIII в. Текстологическое исследование дошедших списков «Указа...», новонайденного списка и поздних древнерусских редакций молитвы позволило, во-первых, заключить, что архетип содержал и молитвенную, и прескриптивную части, и во-вторых, описать историю развития текста. Была выдвинута гипотеза о том, что авторство обеих частей «Указа...» принадлежит архиепископу Иоанну, однако молитва представляет собой неоднородное образование. Сопоставление с другими славянскими молитвами показало, что фрагмент про праотцов, восходящий к греческой традиции, был заимствован Иоанном из южнославянского источника, в то время как первая часть текста, про свв. исповедников, была составлена самим архиепископом в контексте особого отношения новгородцев к культу свв. Гурия, Самона и Авива. Что касается языка, исходный текст составлен на церковнославянском языке восточнославянского извода, более поздние переработки молитвы — на гибридном регистре церковнославянского языка, что характерно для апокрифической литературы.

Проведенное исследование позволяет предпринять попытку вписать ММ, МС и УИ в систему книжности Южной и Восточной Славии. Н.И. Толстой схематически изображает ее в виде пирамиды, одной из позиций которую занимает апокрифическая литература, подражающая канонической

по языковым особенностям⁸. Однако данная характеристика в полной мере характерна только для УИ, который всегда переписывается на церковнославянском языке, в то время как ММ и МС совершают переход от «высокого» языка к народному через гибридную стадию.

§3. Основные результаты диссертационного исследования опубликованы в шести статьях в журналах (из них пять входят в списки журналов высокого уровня, рекомендованные НИУ ВШЭ), общим объемом 7 п. л (из них без соавторства — 4 п. л.):

1. *Алексеева А.С., Гиппиус А.А.* Наблюдения над текстом Олонецкого сборника // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. №2 (76). С. 141–157.
2. *Алексеева А.С.* Русскоязычные тексты Олонецкого сборника: фонетика и грамматика // Русский язык в научном освещении. 2020. №2. С. 128–150.
3. *Алексеева А.С.* Изобличение вора на Руси: от постановления Новгородского архиепископа Иоанна III до низовой рукописной книжности // Slověne. 2021. Vol. 10, №1. С. 230–261.
4. *Алексеева А.С., Гиппиус А.А., Михеев С.М.* Возвращаясь к амулету из Орешака: что говорила вештица? // Palaeobulgarica / Старобългаристика. XLVI (2022). №3. С. 3–24.
5. *Алексеева А.С.* Молитва архангела Михаила против вештицы в рукописи Николы Хаджина // Славяноведение. 2023. №6 (в печати).
6. *Алексеева А.С.* Сисиниева легенда в *Codex Sturdzanus*: текст и язык // Litera. 2023. №11. С. 228–237.

---

⁸ *Толстой Н.И.* Отношение древнесербского книжного языка к древнеславянскому языку (в связи с развитием жанров в древнесербской литературе) // Избранные труды. Т. II: Славянская литературно-языковая ситуация. М., 1998. С. 209.

Библиография

1. *Агапкина Т.А.* Сисиниева молитва у южных славян // Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы / Отв. ред. А.Л. Топорков. М., 2017. С. 429–443.
2. *Виноградов Л.Н., Толстая С.М.* Вештица // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 1. М., 1995. С. 367–368.
3. *Толстой Н.И.* Отношение древнесербского книжного языка к древнеславянскому языку (в связи с развитием жанров в древнесербской литературе) // Избранные труды. Т. II: Славянская литературно-языковая ситуация. М., 1998. С. 200–211.
4. *Турилов А.А., Чернецов А.В.* Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. М., 2002.
5. *Чёха О.В.* Сисиниева молитва в византийской традиции // Сисиниева легенда в фольклорных и рукописных традициях Ближнего Востока, Балкан и Восточной Европы / Отв. ред. А.Л. Топорков. М., 2017. С. 242–304.